

Научная статья
УДК 327
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-5-26
EDN GKFHMH

**Шанхайская организация сотрудничества:
построение регионализма на основе консенсуса (часть 2)**

Цзян И¹✉, Вэнь Лунцзе²

¹Доктор юридических наук, профессор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китайская Академия общественных наук, приглашенный профессор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, Пекин.

²Доктор философии, главный корреспондент Службы новостей Китая, научный сотрудник Исследовательского института развития Фуданьского университета, заместитель директора департамента комментариев и теории Китайской службы новостей, Пекин

¹jiangyi@cass.org.cn✉, <https://orcid.org/0000-0001-8297-3786>

²wenlongjie@chinanews.com.cn, <https://orcid.org/0000-0002-5566-7967>

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу рассмотрения специфики регионального строительства на примере Шанхайской организации сотрудничества, регионализм которой имеет как сходство с другими аналогичными региональными организациями (такими как ОАГ, ОАЕ, Лига арабских государств, АСЕАН, ЕС), так и свои уникальные отличительные характеристики. В статье рассматриваются регионалистские атрибуты и региональный консенсус ШОС, обсуждается основа построения организации и причины ее успеха, а также анализируется взаимосвязь между коллективным «консенсусом» и «интересами» государств-членов ШОС, рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается региональное строительство и сотрудничество в различных областях, обобщаются особенности построения регионализма ШОС и стратегии будущего развития. Авторы рассматривают специфику регионализма ШОС с точки зрения нескольких показателей прямого проявления силы всеобъемлющей власти страны, размера ее влияния на другие страны и способности формировать региональный порядок. Особое внимание в статье уделяется отношениям между регионализмом и государственным национализмом как неизбежной проблемы в процессе организационного развития ШОС, анализу конку-

© Цзян И, Вэнь Лунцзе, 2022

ренции между крупными державами на территории деятельности ШОС, рассмотрению разнообразных политических игр интересов, связанных с функционированием ШОС. В статье делается вывод, что функция ШОС состоит в том, чтобы найти общий знаменатель в достижении консенсуса, усилить взаимозависимость в продвижении сотрудничества, минимизировать внутренние конфликты, продолжать углублять региональное управление и строительство регионального порядка. Общий и непрерывный прогресс региональных субъектов (государств-членов), региональных механизмов (ШОС) и регионального строительства (сотрудничества в различных областях) будет способствовать дальнейшему усилению влияния ШОС, а также послужит платформой для нового глобального управления.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества; регионализм; региональный порядок; региональное сотрудничество; политические игры; «Один пояс, один путь»; игра с нулевой суммой

Для цитирования: Цзян И, Вэнь Лунцзе Шанхайская организация сотрудничества: построение регионализма на основе консенсуса (часть 2) // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 5-26. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-5-26>. <https://elibrary.ru/gkfhmh>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

**Shanghai Cooperation Organization:
building regionalism through consensus (part 2)**

Jiang Yi^{1✉}, Wen Longjie²

¹Doctor of Law, Professor at the Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences (CASS), visiting professor at the Center for studying Russian-Speaking Countries, Southwest University, PRC Ministry of Education, Beijing.

²Doctor of philosophy, chief correspondent of China News Service, scientific employee at the Research Institute of Development, Fudan University, deputy director of the commentary and theory department, China News Service, Beijing

¹jiangyi@cass.org.cn[✉], <https://orcid.org/0000-0001-8297-3786>

²wenlongjie@chinanews.com.cn, <https://orcid.org/0000-0002-5566-7967>

Abstract. The article is devoted to the theoretical analysis of regional construction based on the example of the Shanghai Cooperation Organization whose regionalism has both similarities with other similar regional organizations (such as the OAS, the OAU, the Arab League, ASEAN, and the EU) and its unique distinctive characteristics. The article examines the regionalist attrib-

utes and the SCO regional consensus, discusses the basis for building the organization and the reasons for its success, and analyzes the relationship between the collective “consensus” and the “interests” of the SCO member states. The authors examine the challenges facing regional construction and cooperation in various fields, outline the peculiarities of building the SCO regionalism and strategies for its future development. The specificity of the SCO regionalism is considered with regard to several indicators of the direct manifestation of the country's pervasive power, the size of its influence on other countries, and its ability to shape the regional order. The article pays particular attention to the relationship between regionalism and state nationalism as an inevitable problem in the SCO organizational development, analyses the competition among major countries within the scope of the SCO, and examines various political games associated with the SCO functioning. The article concludes that the SCO's function is to find a common ground in reaching consensus, to strengthen interdependence in promoting cooperation, to minimize internal conflicts, and to further deepen regional administration and building regional order. The overall continuous progress of regional member states, regional mechanisms (SCO) and regional construction (cooperation in various fields) will contribute to further strengthening the influence of the SCO, and will serve as a platform for new global management.

Key words: Shanghai Cooperation Organization; regionalism; regional order; regional cooperation; political games; “One Belt, One Road”; zero sum game

For citation: Jiang Yi, Wen Longjie Shanghai Cooperation Organization: building regionalism through consensus (part 2). *World of Russian-speaking countries*. 2022; 3(13):5-26. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-5-26>. <https://elibrary.ru/gkfhmh>.

Введение

В первой части нашей статьи мы начали рассмотрение ключевых принципов регионализма ШОС и политических сценариев, с которыми ШОС сталкивается в региональном строительстве и сотрудничестве в различных областях, а также охарактеризовали регионалистский консенсус и пути его построения [Цзян И, 2022]. Далее мы рассмотрим разнообразные поли-

тические игры, с которыми сталкивается ШОС в процессе регионального строительства.

Регионализм и политические игры

Обнаруживая схожие черты с другими регионалистскими конструкциями, ШОС также имеет свои специфические характеристики (отметим, что специфика регионализма ШОС неоднократно становилась предметом исследования не только китайских, но и множества

российских политологов [Борисенко, 2016; Васильева, 2015; Воробьев, 2012; Лукин, 2005; Никитина, 2009; Сафранчук, 2015 и др.]). Эти черты могут быть обусловлены вызовами, с которыми сталкивается ШОС, а могут быть давней объективной реальностью, сопровождающей конструирование регионализма. Поэтому обсуждение этих характеристик имеет не только академическое, но и политическое значение, то есть поможет четко разобраться в будущем строительстве ШОС, какие факторы являются проблемами, которые могут быть решены, какие факторы являются проблемами, которые трудно устранить, но можно подстраховаться, а какие факторы – это неизбежно существующая объективная реальность.

Особая силовая структура

Международные отношения по-прежнему рассматривают власть в качестве основного составляющего элемента, и традиционное силовое регулирование, и сдерживающие факторы, и противовесы все еще существуют, как и построение регионализма во главе с правительством. Если рассматривать специфику регионализма ШОС с точки зрения нескольких показателей прямого проявления силы всеобъемлющей власти страны, размера ее влияния на другие страны и способности формировать региональный порядок и т. д., то нет никаких сомнений в том, что в рамках ШОС структура власти является очень

разной. Если взять в качестве примера только ВВП, то объем Китая в 115 трлн долларов США (2020 год) в 200 раз превышает объем ВВП Таджикистана в 77,3 млрд долларов США (2020 год). Судя по реальной ситуации, как крупнейшие мировые державы, Китай и Россия, очевидно, имеют гораздо большее влияние на международный ландшафт, международную политику, безопасность и экономику, чем другие страны. Даже способность Индии формировать определенные вопросы намного сильнее, чем у некоторых государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. По сравнению с Европейским союзом и АСЕАН, в рамках регионалистского строительства, такая разрозненная структура власти никогда раньше не наблюдалась.

Однако в современных международных отношениях абсолютная власть, которой обладают могущественные страны, не может пользоваться абсолютными преимуществами. Исторически могущественные страны использовали свои преимущества, чтобы просто подчинять, принуждать и сдерживать слабые страны. В значительной степени методы принуждения и сдерживания оказались неэффективными. Еще Самюэль Хантингтон – американский политолог, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций – утверждал, что «... в условиях различной борьбы за власть ни одна страна не может установить порядок, полно-

стью соответствующий ее желани-ям» [范可, 2005, с. 84]. Переговоры и компромиссы, даже если они не совсем добровольны, как правило, являются основным инструментом взаимодействия в международных отношениях. Основная и существенная причина достижения такого прогресса заключается в том, что в мире, в котором все взаимосвязано, относительно слабые страны могут также усилить свою переговорную власть над крупными странами и получить относительную власть в определенной структуре в силу своих геополитических и экономических особенностей или их важности для безопасности и развития крупных стран. Если это связано с многосторонним механизмом, которому определенная крупная страна придает большое значение и на который опирается, то эта относительная сила еще более очевидна. Поэтому отношение ШОС к установлению нового типа международных и национальных отношений не только соответствует веяниям времени, но и основано на понимании нового типа структуры власти. Структура и принцип действия механизма ШОС – это не концентрический круг, в котором доминирует определенная страна, это не иерархическая система в виде пирамиды, и это не полностью относительно сбалансированная единица, и это не баланс между одним или несколькими кластерами, которые содержат друг друга. Эта новая структурная энергетическая

система обладает *двумя характеристиками*.

Первая особенность заключается в том, что юридическое равенство каждого государства-члена не предполагает равной роли и влияния, а также равного вклада в организацию. Если региональное строительство ставит своей целью эффективную реализацию, то крупные державы должны играть роль «локомотива», и должны быть в ситуации, когда крупные державы получают большее влияние, представляя большинство общественных благ для регионального строительства. Это более очевидно даже в ЕС, который не так уж и отличается: «ось» Германии и Франции всегда была основной силой для поддержания и развития европейской интеграции. В последние два десятилетия именно Китай и Россия сыграли важную ведущую роль в развитии ШОС во всех аспектах и в формировании регионального порядка. Среди них наиболее успешны совместные усилия стран по борьбе с «тремя силами зла» и поддержанию региональной безопасности: большие страны используют свои преимущества в различных аспектах для мобилизации и координации регионального сотрудничества в области безопасности, оказания необходимой помощи малым странам, а другие страны сотрудничают в политике, разведке, правоохранительных органах и в других аспектах. Именно усилия двух крупнейших держав, Китая и

России, и активное сотрудничество других центральноазиатских стран позволили центральноазиатскому региону долгое время эффективно сдерживать «три силы зла» и создавать наиболее важные продукты общественной безопасности для региона.

Вторая особенность заключается в том, что для реализации принципа равноправного участия и совместного строительства в ШОС создана институциональная схема коллективного принятия решений, то есть по ряду вопросов, таких как выражение коллективной воли, декларирование основных вопросов и принципов, организуя совместные действия, ШОС реализует принцип консенсуса, а коллективные решения менее обязательны для государств-членов. Преимущество этой системы коллективных консультаций в том, что она полностью отражает равенство сил между большими и малыми странами, и каждая страна имеет свое право вносить предложения и решения по построению регионализма. Его недостатками являются, естественно, более высокие затраты на координацию и более низкую оперативную эффективность, а также невозможность избежать возникновения «вето в один голос». Такая ситуация действительно существует в реальной работе Шанхайской организации сотрудничества, и она также привлекала внимание как политических, так и академических кругов. Вопрос о том, «как повы-

сить эффективность ШОС», стал важной темой в академических научных кругах.

Следует сказать, что дилемма между консенсусом и эффективностью является общей проблемой во всех процессах построения регионализма. АСЕАН, придерживающаяся аналогичного принципа консенсуса, подвергалась критике за неэффективность в решении региональных проблем. Несмотря на различия в институциональных механизмах ЕС, разделение властей является более сложным, а механизмы принятия решений более разнообразными. Время от времени возникают различные бюрократические структуры внутри союза, взаимные ограничения между государствами-членами и трудности в объединении. Поэтому не стоит слишком переживать по этому поводу. Как базовый принцип ШОС, консенсус является не только основой формирования консенсуса для продвижения регионализма, но и основным способом укрепления единства и достижения организационной стабильности за счет совместного участия, а также является практикой реализации концепции демократизации международного отношения в региональном управлении. Следует также отметить, что многие страны ШОС имеют явные государственно-националистические идеологические и политические предпочтения. Отношения между регионализмом и государственным национализмом – неизбежная про-

блема в процессе организационного развития. Развитие и функционирование ШОС будет иметь долгосрочное соперничество между регионализмом и государственным национализмом, а взаимные ограничения и ограничения двух идеологий и политик будут существовать долгое время. Нет готового ответа на вопрос, как найти относительный баланс между ними. В таких условиях любые усилия в погоне за эффективностью должны быть очень деликатны, и многие попытки в этой области могут вызывать сомнения в некоторых странах, а также существует опасность непредвиденных последствий. Например, какие вопросы могут быть освобождены от требования принципа консенсуса? Кто решает эти вопросы? Другой пример: имеет ли сам так называемый метод «меньшинство подчиняется большинству» окраску принуждения «меньшинства» и не противоречит ли он сам природе и принципам организации? Если это будет происходить часто, особенно когда большая страна становится «меньшинством», не приведет ли это к организационной фрагментации? Какие проблемы вызывают единство внутри организации? Как упоминалось ранее, построение и развитие ШОС в основном опираются на региональный консенсус, а не на обязательную правовую систему и систему правил. Только это способствует созданию у всех сторон более высокого чувства комфорта и

уважения, стремления к поиску и расширению общих интересов, а также нахождению коллективного общего знаменателя в разнообразных и многочисленных требованиях. Фактически, в предыдущей практике государства – члены ШОС также пытались найти возможности для сотрудничества в двустороннем и малом многостороннем масштабе, когда синхронизация всех членов не может быть достигнута.

Построение регионализма – это процесс динамического приспособления и взаимной адаптации. Европейский союз потратил более 40 лет на создание единого рынка для свободного движения товаров, капитала, услуг и людей не только в период разногласий, но и, когда глобализация сталкивается с вызовами и внутривнутриполитическими крахами. Для ШОС с огромными различиями в государствах-членах и отсутствием опыта регионального сотрудничества наладить работу данного процесса будет непросто с точки зрения времени и сложности. Таким образом, даже самый медленный консенсус более надежен для организационной стабильности, чем поспешная погоня за эффективностью.

ШОС

и политические игры интересов

Все многосторонние процессы вращаются вокруг темы переплетения и столкновения интересов, в том числе и ШОС. Построение регионализма на основе консенсуса

не означает отсутствия игры интересов, не говоря уже о том, что формирование консенсуса основано на гарантии интересов и соблюдении интересов. Что еще более важно, территория деятельности ШОС (Центральная Азия – Южная Азия) также насыщена конкуренцией между крупными державами и различными силами внутри и вне организации. Конкуренция между крупными державами внутри организации и конкуренция между крупными державами внутри и вне организации накладываются друг на друга, и их распространение влияет на политику других государств-членов. Это делает многочисленные политические игры в рамках ШОС более сложными и коварными.

С точки зрения участников, областей и характера игр интересов, с которыми сталкивается ШОС, игры интересов в ШОС можно условно разделить на две категории и четыре группы, а именно: игры внутри организационной структуры, игры между организацией и внешними силами, а также игры между несколькими крупными силами внутри и за пределами организации.

(1) Игра каждой страны в целях оптимизации собственных интересов Страны-члены ШОС достигли высокой степени консенсуса, и как реализовать общую концепцию и как превратить интересы всех сторон в реальные выгоды – это игровой процесс. Судя по прошлой истории, такие игры в основном со-

средоточены в сфере экономического сотрудничества. Хотя конкретные причины различны, общность основной логики отражается в двух аспектах: во-первых, все страны надеются добиться развития посредством сотрудничества, но развитие является не только динамичным процессом, но и содержит в себе значительный компонент самопознания. Иногда некоторые проблемы с экономическим сотрудничеством в ШОС заключаются не в том, что интересы не совсем совпадают, а в том, что пути, методы и сроки реализации собственных интересов различными странами противоречивы и несовместимы. Во-вторых, рациональность в самоописании и самопознании не обязательно вызывает положительный отклик у другой стороны. Усилия, прилагаемые крупными странами для расширения и углубления экономического сотрудничества, универсальность и общая ценность этого сотрудничества могут не только не быть быстро поняты другими странами, но и могут вызвать такую реакцию в некоторых странах региона: выигрывают ли сильные больше от этого сотрудничества? Должны ли слабые получать больше льгот и преимуществ? Из-за этих двух логик повестка дня ШОС по развитию экономического сотрудничества часто носит более обобщенный, чем практический характер: легко достичь консенсуса, когда речь идет об общих принципах, но он дает сбой, когда дело до-

ходит до конкретной реализации этих принципов. Более того, многие члены будут проводить прагматичную политику, основанную на оценке затрат и выгод, в соответствии с текущей ситуацией и оценкой затрат и выгод при осуществлении экономического сотрудничества. И опыт, в том числе история собственного развития ШОС, доказывает, что прагматическая политика часто характеризуется нестабильностью и переменчивостью.

У ШОС нет цели развития, ориентированной на интеграцию, а инициатива о зоне свободной торговли после многолетней напряженной работы только начала обсуждаться как долгосрочный план. Для организации, где подавляющее большинство стран являются членами Всемирной торговой организации (ВТО), такой уровень сотрудничества действительно является весьма «альтернативным». Одна из важных причин этого заключается в том, что, хотя суверенитет и безопасность должны быть общими для всех стран при осуществлении ими внешнеэкономического сотрудничества, на пространстве ШОС эта ситуация более заметна и очевидна. Открытость и либерализация, требуемые регионализмом, предполагают передачу суверенитета, по-прежнему очень деликатны и сложны для стран, которые считают суверенитет первым элементом. Если мы примем во внимание огромные разрывы в размерах экономики, всеобъемлющей нацио-

нальной мощи и направлении развития, у некоторых малых стран неизбежно возникнет менталитет беспокойства о «понесенных потерях». Отдельные примеры реального сотрудничества также показывают, что в некоторых странах националистические социальные настроения очень легко использовать в качестве инструмента политической борьбы или экономической конкуренции, создавая большие проблемы для экономического сотрудничества.

Вообще говоря, такого рода игра носит и позитивный, и негативный характер, и отношение всех сторон к сотрудничеству и осознание того, что сотрудничество неизбежно принесет больше пользы, являются общими. Поэтому, несмотря на то что игровой процесс длительный, пока все стороны прилагают непрерывные усилия, сотрудничество будет продолжаться и может развиваться постепенно. В этом смысле китайское правительство на протяжении многих лет подчеркивало и продвигало «политическую коммуникацию» [习近平在纳扎尔巴耶夫大学的演讲 ... , 2013] и считает это «важной гарантией» [中国国家发展改革委 ... , 2015] углубленного экономического и торгового сотрудничества. Полный обмен контрмерами постепенно интегрирует региональное сотрудничество и соответствующие планы развития, региональные маршруты долгосрочного

сотрудничества и их соответствующие краткосрочные выгоды для достижения координации политики, когнитивной интеграции и стабильного и предсказуемого сотрудничества.

(2) Хотя китайско-российская игра основана на общих потребностях поддержания китайско-российских отношений, официальные лица двух стран всегда избегали упоминания этой деликатной темы, но Китай в качестве «нового элемента» вышел на традиционный российский «задний двор». Неоспоримый факт, что российская сторона не делала из этого секрета. Однако этот вид игры имеет как позитивные, так и негативные характеристики. С одной стороны, Центральная Азия, как ближайший сосед, является центром внимания и основной целью двух крупнейших держав, Китая и России, стремящихся к экстерриториальной власти, а также общей тенденцией стремления независимых центральноазиатских стран сотрудничать с двумя крупными державами, Китаем и Россией. Обе стороны осознают, что геополитическая среда и региональная структура Центральной Азии полностью изменились после холодной войны, и сосуществование Китая и России неизбежно. С другой стороны, обеим сторонам также ясно, что, если Китай и Россия будут вести жестокую конкуренцию в Центральной Азии, то они понесут только потери и ничего не выиграют. Более того,

даже России сложно справиться с вызовами в этом регионе в одиночку. Наоборот, взаимное признание, компромисс и координация между двумя странами в этом регионе в сочетании с активным сотрудничеством со странами региона не только помогут им укрепить здесь запас безопасности и политических прав и интересов, но и могут создать новые дополнительные права и интересы. На этом понимании основано совместно продвигаемое Китаем и Россией построение регионализма ШОС, и в процессе обе стороны добились информационной прозрачности и взаимной координации. Китай неоднократно подчеркивал, что Китай не намерен наносить ущерб интересам России и Центральной Азии и поддерживает разнообразное сотрудничество между Россией и странами Центральной Азии. Российская сторона также высказалась за развитие отношений между Китаем и странами Центральной Азии, поддержала многостороннее сотрудничество в различных сферах в рамках ШОС. На стратегическом уровне обе стороны также добились взаимного признания и сотрудничества. С 2015 г. члены ШОС приветствовали инициативу Китая по строительству Экономического пояса Шелкового пути [上海合作组织成员国元首乌法宣言 ... , 2015], а в 2018 г. выразили желание реализовать связь между инициативой «Один пояс, один путь» и Евразий-

ским союзом, в 2019 г. Китай выразил поддержку предложенной Россией инициативе «Большого евразийского партнерства» [中华人民共和国和俄罗斯联邦关于发展新时代全面战略协作伙伴关系的联合声明 ... , 2019]. С точки зрения конкретных проектов результаты китайско-российского сотрудничества также весьма очевидны: «Китайско-европейский железнодорожный экспресс» через Среднюю Азию и Россию уже много лет работает в крупномасштабном и нормализованном режиме, а китайско-казахстанский нефтепровод также стал для России каналом экспорта нефти в Китай.

Как и в любой политической игре, у обеих сторон есть свои интересы и соображения. В связи с этим «разница температур» между Китаем и Россией в основном отражается на экономическом сотрудничестве ШОС. Российская сторона явно ощущает больше выгод от сотрудничества в политике и безопасности и настаивает на этом как на главном направлении работы ШОС; китайская сторона считает, что сотрудничество в различных областях ШОС должно продвигаться одновременно, а региональное развитие может быть достигнуто только за счет экономического сотрудничества для достижения устойчивой региональной безопасности; российская сторона не выступает против экономического сотрудничества

в регионе, но считает, что время для определения интеграционных целей, формулирования интеграционных правил и реализации интеграционного процесса еще не настало. Упомянутая здесь «зрелость» явно относится к построению Евразийского союза, то есть до того, как будут установлены различные институциональные правила Евразийского союза и созреет их функционирование, об интеграции ШОС можно говорить только на ранней стадии. Главное здесь не время, а формулировка правил и стандартов, а также решение ключевого вопроса: будут ли другие страны ориентироваться на Евразийский союз или разные экономики совместно станут выстраивать новую интеграционную платформу.

Следует отметить, что в значительной степени расширение ШОС также является результатом стратегического компромисса между Китаем и Россией, то есть обе стороны осознают, что стремление к более тесному сотрудничеству с Индией поможет справиться с «Индо-Тихоокеанской стратегией», которую пытаются реализовать Соединенные Штаты. Активное продвижение Россией стратегии расширения членства также часть политической игры с Китаем: с одной стороны, за счет расширения членства расширяется пространство для деятельности «Большого евразийского партнерства» и обостряются проблемы в политической сфере и сфере безопасности ШОС. С другой

стороны, расширение членства позволит искать более выгодную для России позицию в трехстороннем взаимодействии Китая, России и Индии.

(3) Китайско-индийский конфликт и расширение ШОС в 2017 году, несомненно, являются крупным прогрессом в построении регионализма, но многие аналитики также обращали внимание на отношение Индии к ШОС, а также на стратегическое взаимное недоверие между Китаем и Индией и на конфронтацию Индии и Пакистана, тоже привнесшую в ШОС элементы политической игры.

В отличие от других государств-членов ШОС, Китай и Индия по-прежнему имеют серьезные противоречия в традиционной сфере безопасности (как и между Индией и Пакистаном). В последние годы, с развитием силы, две страны стали более требовательны к собственной безопасности и интересам, и это противоречие стало более заметным. Несмотря на многочисленные усилия Китая, политическая основа двусторонних отношений все еще слаба, а механизму сотрудничества для преодоления разногласий по-прежнему не хватает взаимного доверия. Вопросы, оставшиеся от истории Китая и Индии, трудно воспроизвести по модели «Шанхайской пятерки», и решить их в рамках Шанхайской организации сотрудничества невозможно. С точки зрения ШОС, у Индии есть очевидные факторы для игры с Кита-

ем, такие как недопущение того, чтобы Китай возглавил строительство регионального порядка, предотвращение маргинализации Индии в новой региональной модели, планирование крупных силовых операций Индии, включая получение новых возможностей для переговоров и общую политику в отношении Китая. Но это еще не вся политика Индии в отношении Шанхайской организации сотрудничества.

Вступление Индии в ШОС является отражением заметного положения Индии в новой международной «шахматной партии» и реализации ее мечты стать великой державой, а также характеристиками внешней стратегии Индии, основанной на многонаправленном хеджировании для получения прибыли, выгоды: участвуя в ШОС, она вмешивается в процесс регионального формирования, создавая новую платформу для реализации своей политики «Соединим Центральную Азию» (Connect Central Asia policy); будучи членом ШОС, она укрепляет свои позиции в игре с США и западными странами. Она также использует «Индотихоокеанскую концепцию» и четырехсторонний союз между Соединенными Штатами, Японией, Австралией и Индией (Quad) для защиты от регионализма Китая и России и создания противовеса Китаю. Очевидно, что основной мотив вступления Индии в ШОС носит явно конъюнктурный характер. В то

же время следует отметить, что признание Индией принципов и духа ШОС и принятие ею Устава ШОС не являются полностью ложными, но показывают, что эти цели, по крайней мере, не противоречат стратегическим намерениям Индии, и региональный консенсус ШОС имеет элементы, которые соответствуют его пожеланиям. Хотя базовая система, которую сформировала ШОС, представляет собой лишь мягкое ограничение, пока Индия не желает противостоять другим членам организации и надеется получить выгоды внутри организации, она в основном будет выполнять свои соответствующие обязанности и обязательства, в основном уважать коллективную волю и соблюдать соответствующие правила. В то же время, некоторые виды сотрудничества в рамках ШОС соответствуют интересам Индии, такие как региональная борьба с терроризмом и экономическое сотрудничество с другими государствами-членами, включая Китай.

Поэтому политика Индии в отношении самой ШОС также носит хеджирующий и двусторонний характер. С одной стороны, внимание Индии в ШОС больше сосредоточено на том, как добиться благоприятной ситуации и влияния на региональные дела в игре великих держав, а не на совместном углублении и расширении конструкции регионализма ШОС. В частности, его намерение конкурировать с Китаем, вероятно, увеличит стоимость

и сложность координации внутри организации. Например, Индия единственная в ШОС не высказалась в поддержку инициативы «Один пояс, один путь» и испытывает по отношению к ней большие сомнения. С другой стороны, у Индии также есть некоторые возможности для консенсуса и сотрудничества с ШОС и ее государствами-членами, и нет оснований полагать, что это пойдет вразрез с построением регионализма ШОС. Судя по трехлетней практике вступления в организацию, Индия не играла роль разрушителя, а придерживалась позиции сотрудничества.

На самом деле политика Индии в отношении Китая также четко демонстрирует двойственный характер конкуренции и сотрудничества, то есть, не скрывая своих опасений, сомнений и разногласий с Китаем, она также поддерживает сотрудничество в рамках механизма БРИКС и G20 и постоянно поощряет экономические и торговые обмены между двумя странами (Китай уже много лет является одним из самых важных торговых партнеров Индии); в спорных пограничных районах он продолжает провоцировать и создавать инциденты, но одновременно и поддерживает диалог и переговоры для урегулирования разногласий.

Из-за особенностей политики Индии во взаимоотношениях между Китаем и Индией существуют как положительные, так и отрицательные факторы. Проблемы по-

строения регионализма в этом отношении таковы: во-первых, следует приложить усилия, чтобы ограничить китайско-индийский конфликт двусторонними отношениями и отделить китайско-индийский конфликт от сотрудничества в рамках ШОС, хотя между ними будет некоторая связь – по крайней мере, с точки зрения индийской политики. Во-вторых, ШОС должна обладать достаточной мудростью и умением использовать хеджирующие черты индийской политики и снижать или избегать влияния негативных факторов индийской политики. ШОС готова взять на себя инициативу в формировании вопросов и сотрудничестве в конкретных областях, подчеркивая аспекты сотрудничества, преуменьшая противоречия и способствуя тому, чтобы Индия играла положительную роль в построении регионализма на основе консенсуса, руководствуясь общими интересами, а также коллективной волей.

(4) Вызовы со стороны Соединенных Штатов. Соединенные Штаты, несомненно, являются крупнейшим внешним фактором ШОС, и эта роль вращается вокруг игры великих держав и конкуренции за региональное господство и влияние. Бжезинский считает, что Центральная Азия «... имеет очень важное геополитическое значение для Соединенных Штатов: Соединенные Штаты находятся слишком далеко, чтобы быть доминирующей державой в этой части Евразии, но

слишком сильны, чтобы не участвовать в делах этого региона» [布热津斯基, 1998, с. 197]. Таким образом, идея регионального сотрудничества между Соединенными Штатами и ШОС заключается в осуществлении сбалансированного подхода, использовании политических, экономических инструментов и инструментов безопасности и предоставлении странам Центральной Азии большего выбора, чтобы они могли меньше полагаться на соседние крупные страны во всех аспектах, и, следовательно, способствовать получению этими странами более сильного чувства независимости, в конечном итоге уменьшая влияние Китая и России на эти страны и затрудняя контроль над процессом регионального строительства и направлением развития [杨育才、袁毅, 2020]. Несколько основных особенностей этой политики заключаются в следующем:

Одна из них – связать сдерживание развития ШОС со сдерживанием Китая и России. США всегда очень настороженно относились к ШОС, считая, что организация и пропагандируемый ею регионализм в основном являются результатом совместных усилий Китая и России по созданию в Центральной Азии «антизападного» лагеря и расширению влияния двух стран. Поэтому по мере того, как Соединенные Штаты возвращаются к стратегии соперничества великих держав, эта характеристика американской поли-

тики становится все более заметной и очевидной. В 2020 году Государственный департамент США опубликовал «Стратегию США в Центральной Азии (2019-2025 годы)», в которой первой из шести основных целей политики США в Центральной Азии является поддержка суверенитета и независимости стран Центральной Азии и их защита, от «злонамеренной» агрессии со стороны «злонамеренных субъектов» [United States Strategy for Central Asia, 2020]. Цель очень очевидна.

Вторая особенность – использовать страны Центральной Азии в качестве основного пункта прорыва против строительства региона, в котором доминируют Китай и Россия. После распада Советского Союза, хотя он и столкнулся с рядом перипетий, Соединенные Штаты всегда использовали любую возможность для углубления своих отношений со странами Центральной Азии. В области безопасности, политики, экономики, гуманитарных наук и защиты окружающей среды США постепенно продвигали сотрудничество с различными странами на многосторонней и двусторонней основе, и их цель – «сбалансировать влияние региональных соседей на Центральную Азию» [United States Strategy for Central Asia, 2020].

Третья особенность – связать Центральную Азию и Южную Азию для регионального формирования. Начиная с «Плана Большой Центральной Азии» (2005) и заканчивая «Планом Нового шелкового пути»

(2011) и «Стратегией США в Центральной Азии» (2020), в основном США следовали идее попытаться интегрировать Южную Азию и Центральную Азию в качестве нового сектора. Конечно, есть такие факторы, как противодействие терроризму и предотвращение распространения экстремистских сил, но есть и соображения по изменению геополитической и экономической структуры Центральной Азии, то есть отделению Центральной Азии от традиционной евразийской территории, на которой доминирует Россия, и противодействию китайской инициативе «Один пояс, один путь». Именно об этом говорится в «Стратегии Америки в Центральной Азии»: «Содействовать региональной независимости, чтобы избавиться от зависимости».

Четвертая особенность – сотрудничать с другими западными странами и совместно проникать в Центральную Азию. Европейский Союз, Япония и другие организации и страны активно развивают отношения со странами Центральной Азии. Хотя у каждой из них есть свои собственные интересы и потребности, у всех есть стратегические соображения по экспорту западных систем и концепций и недопущению доминирования Китая и России в региональных делах. «Демократическая трансформация», продвигаемая ЕС, и механизм C5+1 между Японией и Центральной Азией фактически сформировали стратегическое взаимодействие с Соединенными Шта-

тами для расширения влияния в Центральной Азии. В 2007 и 2019 годах ЕС последовательно выпустил два стратегических документа по Центральной Азии. Механизм диалога министров иностранных дел между Японией и Центральной Азией был запущен в 2004 г., и это была первая из крупных стран, которая создала такой механизм. Соединенные Штаты также поощряют экономическую помощь и строительство проектов через международные учреждения, такие как Всемирный банк и Международный валютный фонд, на которые они могут влиять.

Хотя Соединенные Штаты явно придерживаются позиции «игры с нулевой суммой» в отношении ШОС и демонстрируют сильную готовность конкурировать с Китаем и Россией, их фундамент в регионе ШОС непрочен, а их влияние и инструменты, которые могут быть эффективно использованы, ограничены, как и ограничена конкурентоспособность. С точки зрения сдерживания США Китая и России регион ШОС находится на фланге конкуренции. В целом фактор США является лишь элементом диверсифицированной конкуренции в регионе ШОС, не является ни главным препятствием, влияющим на направление развития ШОС, ни главным фактором, сдерживающим сотрудничество ШОС в различных областях, ни даже силой для манипулирования политическим процессом Шанхайской организации

сотрудничества в регионах. Поэтому в построении регионализма ШОС, обладающая сравнительным преимуществом, должна в первую очередь сохранять решимость и терпение, хорошо делать свое дело. Каждый шаг вперед в каждом сотрудничестве – это добавление очка к конкурентному преимуществу. Во-вторых, успех любого внешнего «офшорного баланса» связан с внутренними спорами. США и другие силы рассчитывают, что различные разногласия внутри ШОС будут и впредь подрывать консенсус и основу сотрудничества ШОС. Это также требует, чтобы семья ШОС сделала солидарность и сотрудничество темой своей работы и стремилась к наибольшему признанию и поддержке вопросов сотрудничества со стороны большинства членов по вопросам сотрудничества. В то же время необходимо уделять внимание текущим приоритетам сотрудничества и совпадению интересов между государствами-членами и динамично скорректировать отношения интересов между странами и между странами и ШОС. В-третьих, следует признать, что регионалистский принцип регионального приоритета в ШОС неочевиден. Внешнее сотрудничество основных государств-членов в основном осуществляется параллельно по нескольким направлениям, и трудно сказать, что ШОС является средоточием региональной интеграции России. С другой стороны, некоторые другие

страны региона пытаются получить больше переговорной силы в региональном строительстве и в играх с крупными странами региона за счет своей близости к странам за пределами региона и за счет введения внешних факторов. С этой точки зрения правильное регулирование отношений между регионализмом и межрегиональными многосторонними процессами и сосредоточение внимания на региональном строительстве является не только работой ШОС, но и предполагает координацию политики каждого государства-члена.

Заключение

С момента создания ШОС (20 лет назад) регионализм становился все более зрелым, постепенно совершенствовались региональные механизмы, продолжало развиваться региональное сотрудничество, оно добилось выдающихся успехов в построении нового типа государственных отношений и регионального порядка. Оглядываясь на прошедшие два десятилетия, мы можем обнаружить, что на фоне отличительных особенностей, основных условий, объективной среды, требований интересов, стратегической направленности и т. д. построение регионализма ШОС имеет сходство с другими аналогичными типами регионального сотрудничества, но при этом имеет свои собственные характеристики: непрерывный и постепенно обогащающийся региональный консен-

сус, позитивное взаимодействие между руководством и участниками специальной структуры власти, построение процесса многократной «обкатки» и непрерывного накопления результатов в игре множественных интересов. Такая парадигма обеспечивает новый шаблон для построения регионализма. Как сказал бывший президент Казахстана Нурсултан Назарбаев: «Развитие ШОС как важной международной организации, а также уровень и масштаб решаемых ею задач, можно сказать, превзошли масштабы обычных региональных объединений» [哈萨克斯坦总统撰文谈上合组织成立十周年, 2011].

Конечно, в процессе развития ШОС еще предстоит столкнуться со многими проблемами и вызовами в процессе развития. Даже с точки зрения организации, различия в интересах между государствами-членами, проблемы исторического наследия, проблемы с различным восприятием путей и направлений развития и т. д. будут сопровождать рост ШОС. По мере роста кооперативной организации всегда существуют внутренние игры, и отдельные периоды или отдельные проблемы могут быть более заметными. В этом плане мы не можем ни осуждать ШОС, ни опасаться, что она станет площадкой для торжественных церемоний, ни торопиться и надеяться, что через несколько лет она выйдет на «более высокий уровень». Например, часто

затрагиваются вопросы о функциях ШОС: подобно политическим потрясениям в странах Центральной Азии в 2005 г., может ли ШОС изменить ситуацию к лучшему? Может ли ШОС играть роль посредника в конфликтах между государствами-членами? Отправной точкой этих дискуссий является укрепление формирующей способности ШОС и стремление решать проблемы, которые могут повлиять на сотрудничество; менталитет отражает надежду на то, что строительство ШОС даст результаты в кратчайшие сроки и продолжит ускорять свое развитие.

Мы должны быть очень осторожны в вышеуказанных вопросах, особенно крупные державы в ШОС должны иметь достаточную сдержанность и ясное понимание ситуации. Во-первых, политическая нестабильность в некоторых странах возникла из-за дефицита внутреннего управления, а многочисленные политические, социальные и этнические переплетения слились воедино, а другие факторы были лишь вспомогательными. Противодействие ШОС «цветным революциям» направлено на вмешательство внешних сил во внутренние дела и внутренние дела других стран, а не на чью-либо сторону во внутриполитической борьбе отдельных стран. Если первопричины и основные противоречия проблем не будут выяснены, ШОС будет опрометчиво вмешиваться в такие проблемы, и очень вероятно, что потерпит неуда-

чу. Во-вторых, как мы неоднократно подчеркивали, национализм в регионе ШОС еще долгое время будет важнейшей политической и идеологической основой. Из-за этого любому внешнему вмешательству трудно оказать положительный эффект. Более того, учитывая, что фактор великих держав всегда вызывал большую озабоченность других государств-членов, даже если какое-то посредничество работает в краткосрочной перспективе, вовлеченным странам или людям легко понять это как результат воли великих держав, но это не способствует прочному единству и взаимному доверию. В-третьих, функция ШОС состоит в том, чтобы найти общий знаменатель в достижении консенсуса, усилить взаимозависимость в продвижении сотрудничества, минимизировать и «охладить» внутренние конфликты. Если даже небольшое внимание будет обращено на посредничество в спорах, это активизирует различные дискуссии и противоречия, отвлечет внимание от деятельности организации и еще больше затруднит процесс сотрудничества. Более того, введение таких функций в ШОС может создать новые проблемы для внешней политики некоторых стран, занимающихся подобными вопросами. В-четвертых, у любой многосторонней организации есть граница возможностей. «Что-то делать, а что-то не делать» должно быть законом, на который следует обращать внимание при построении регионализма, особенно в такой

сложной сфере, как Шанхайская организация сотрудничества.

Теория коммуникации Юргена Хабермаса напоминает нам, что процесс «коммуникации» действительно играет важную роль в международной политической практике, то есть отношения между государствами представляют собой не только изменение материальной мощи, расчет издержек и выгод, но и процесс и метод построения этих отношений. Позитивное взаимодействие гораздо более стабильно, чем одностороннее движение [袁正清, 2006; Хабермас, 1993; Habermas 1987]. Это также соответствует точке зрения Кеннета Нила Уолтца о «структурном реализме»: способ расположения единиц в системе оказывает влияние на систему. Система – зависимая переменная, и каждая единица, составляющая систему, – независимая переменная; в то же время каждая единица становится зависимой переменной из-за ее признания и пользы для системы [Waltz, 1959; Waltz, 2000]. Успешное развитие ШОС следует этой логике: она уделяет внимание процессу взаимодействия и статусу подразделений в системе, при этом страны активно действуют и содействуют строительству, больше внимания уделяют самодисциплине, всегда сосредотачиваются на совместных консультациях, совместном построении и обмене. Являясь основным духом регионализма, сотрудничество в рамках ШОС встало на благоприятный путь: активное достижение консен-

суса приведет к более сильному признанию ценностей, равноправные консультации будут способствовать более сильным ожиданиям сотрудничества. С этой точки зрения наиболее ценным достижением регионализма ШОС является не столько результат, сколько процесс.

После вступления в XXI век вызовы, с которыми сталкивается глобализация, становятся все более и более заметными, а феномен неупорядоченного и нерегулярного глобального управления становится все более очевидным. Многие страны, в том числе крупные державы, больше внимания уделяют региональному уровню, пытаются справиться с вызовами и найти выход на региональном уровне. Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство (СРТПП), Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РСЕР) и даже Экономическое партнерство Японии и ЕС (ЕРА), Соглашение между США, Мексикой и Канадой (USMCA) и т. д. – все это продукты данного явления. Это также показывает, что глобализация не остановилась, а только пошла на спад. Многостороннее сотрудничество не изменило своей тенденции, а лишь скорректировало свое направление. В этом контексте ШОС, у которой больше проблем и более широкие сферы сотрудничества, должна продолжать углублять региональное управление и строительство регионального порядка. Общий и непрерывный прогресс

региональных субъектов (государств-членов), региональных механизмов (ШОС) и регионального строительства (сотрудничества в различных областях) будет способствовать дальнейшему усилению влияния ШОС, а также послужит платформой для нового глобального управления.

Библиографический список

1. Борисенко О. А. ШОС в контексте глобального мировоззрения // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 11-1. С. 123-127.
2. Васильева Н. А. ШОС в новой геополитической архитектуре Большой Евразии / Н. А. Васильева, В. А. Шамахов // *Государственная служба*. 2015. № 6 (96). С. 37-42.
3. Воробьев В. ШОС как растущий властелин «хартлэнда» // *Россия в глобальной политике* 19.02. 2012. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/ShOS-kak-rastuschii-vlastelinkhartlenda-15471>. (Дата обращения: 24.05.2016).
4. Лукин А. Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития / А. Лукин, А. Мочульский // *Аналит. записки*. 2005. Вып. 2 (4). С. 98-101.
5. Никитина Ю. А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. Москва : Изд. группа «Navona», 2009. С. 160-164.
6. Сафранчук И. А. ШОС в системе региональных организаций в Евразии // *Ежегодник ИМИ*. Москва. 2015. № 2. С. 92-93.
7. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // *Вестник Московского университета*. Сер. 7: Философия. 1993. № 4. С. 43-63.
8. Цзян И Шанхайская организация сотрудничества: построение регионализма на основе консенсуса (часть 1) / Цзян И, Вэнь Лунцзе // *Мир русскоговорящих стран*. 2022. № 2 (12). С. 5-21.
9. 范可 : 《亨廷顿的忧思》·载《读书》·2005年第5期,第84页.
10. 《习近平在纳扎尔巴耶夫大学的演讲》·新华网·2013年9月8日 http://www.xinhuanet.com/politics/2013-09/08/c_117273079_2.htm.
11. 中国国家发展改革委、外交部、商务部联合发布的《推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动》·新华网·2015年3月28日 http://www.xinhuanet.com/world/2015-03/28/c_1114793986_2.htm.
12. 《上海合作组织成员国元首乌法宣言》·新华网·2015年7月11日 http://www.xinhuanet.com/world/2015-07/11/c_1115889128.htm.
13. 《中华人民共和国和俄罗斯联邦关于发展新时代全面战略协作伙伴关系的联合声明》中国政府网, 2019年6月6日 http://www.gov.cn/xinwen/2019-06/06/content_5397865.htm.
14. 兹比格纽·布热津斯基·中国国际问题研究所译:《大棋局——美国的首要地位及其地缘战略》·上海人民出版社1998年版,第197页.

15. 杨育才、袁毅：《美国中亚战略调整及地区政策走向》，载《俄罗斯东欧中亚研究》2020年第2期。

16. 《United States Strategy for Central Asia》，美国国务院官网·2020年2月5日，<https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity>.

17. 《哈萨克斯坦总统撰文谈上合组织成立十周年》，中国新闻网，2011年6月8日 http://www.chinanews.com/gn/2011/06-08/3098153_3.shtml.

18. 袁正清：《交往行为理论与国际政治研究——以德国国际关系研究视角为中心的一项考察》，载《世界经济与政治》2006年第9期。

19. Habermas J. The Theory of Communicative Action / McCarthy T. (ed.). Boston: Beacon Press, 1987b. V. 2.

20. Waltz K.N. Structural Realism after the Cold War // International Security. 2000. Summer. No 25:1, pp. 5-41.

21. Waltz K.N. Man, the State and War: A Theoretical Analysis. N.Y.: Columbia University Press, 1959, pp. 159-186.

Reference list

1. Borisenko O. A. ShOS v kontekste global'nogo mirovozzrenija = The SCO in the context of the global worldview // Fundamental'nye issledovanija. 2016. № 11-1. S. 123-127.

2. Vasil'eva N. A. ShOS v novej geopoliticheskoj arhitekture Bol'shoj Evrazii = The SCO in the new geopolitical architecture of Greater Eurasia / N. A. Vasil'eva, V. A. Shamahov // Gosudarstvennaja sluzhba. 2015. № 6 (96). S. 37-42.

3. Vorob'jov V. ShOS kak rastushhij vlastelin «hartljenda» = The SCO as a growing power of the "Heartland" // Rossiya v global'noj politike 19.02. 2012. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/ShOS-kak-rastuschii-vlastelinkhartlenda-15471>. (Data obrashhenija: 24.05.2016).

4. Lukin A. Shanhajskaja organizacija sotrudnichestva: strukturnoe oformlenie i perspektivy razvitija = Shanghai Cooperation Organization: structural design and development prospects / A. Lukin, A. Mochul'skij // Analit. zapiski. 2005. Vyp. 2 (4). S. 98-101.

5. Nikitina Ju. A. ODKB i ShOS: modeli regionalizma v sfere bezopasnosti. = CSTO and SCO: models of regionalism in the security sphere. Moskva: Izd. gruppy «Navona», 2009. S. 160-164.

6. Safranchuk I.A. ShOS v sisteme regional'nyh organizacij v Evrazii = SCO in the system of regional organizations in Eurasia // Ezhegodnik IMI. Moskva. 2015. № 2. S. 92-93.

7. Habermas Ju. Teorija kommunikativnogo dejstvija = The Theory of Communicative Action // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7: Filosofija. 1993. № 4. S. 43-63.

8. Czjan I Shanhajskaja organizacija sotrudnichestva: postroenie regionalizma na osnove konsensusa (chast' 1) = Shanghai Cooperation Organization: building regionalism through consensus (Part 1) / Czjan I, Vjen' Luncze // Mir russkogovorjashhij stran. 2022. № 2 (12). S. 5-21.

9. 范可：《亨廷顿的忧思》，载《读书》，2005年第5期，第84页。
10. 《习近平在纳扎尔巴耶夫大学的演讲》，新华网，2013年9月8日。
http://www.xinhuanet.com/politics/2013-09/08/c_117273079_2.htm.
11. 中国国家发展改革委、外交部、商务部联合发布的《推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动》，新华网，2015年3月28日。
http://www.xinhuanet.com/world/2015-03/28/c_1114793986_2.htm.
12. 《上海合作组织成员国元首乌法宣言》，新华网，2015年7月11日。
http://www.xinhuanet.com/world/2015-07/11/c_1115889128.htm.
13. 《中华人民共和国和俄罗斯联邦关于发展新时代全面战略协作伙伴关系的联合声明》中国政府网，2019年6月6日 http://www.gov.cn/xinwen/2019-06/06/content_5397865.htm.
14. 兹比格纽·布热津斯基，中国国际问题研究所译：《大棋局——美国的首要地位及其地缘战略》，上海人民出版社1998年版，第197页。
15. 杨育才、袁毅：《美国中亚战略调整及地区政策走向》，载《俄罗斯东欧中亚研究》2020年第2期。
16. 《United States Strategy for Central Asia》，美国国务院官网，2020年2月5日，
<https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity>.
17. 《哈萨克斯坦总统撰文谈上合组织成立十周年》，中国新闻网，2011年6月8日 http://www.chinanews.com/gn/2011/06-08/3098153_3.shtml.
18. 袁正清：《交往行为理论与国际政治研究——以德国国际关系研究视角为中心的一项考察》，载《世界经济与政治》2006年第9期。
19. Habermas J. The Theory of Communicative Action / McCarthy T. (ed.). Boston: Beacon Press, 1987b. V. 2.
20. Waltz K. N. Structural Realism after the Cold War // International Security. 2000. Summer. No 25:1, pp. 5-41.
21. Waltz K. N. Man, the State and War: A Theoretical Analysis. N.Y.: Columbia University Press, 1959, pp. 159-186.

Статья поступила в редакцию 16.07.2022; одобрена после рецензирования 01.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 16.07.2022; approved after reviewing 01.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022